

Глава 11. Хмельное братство

Он почувствовал тонкий аромат и открыл глаза. Он лежал в своей хижине, залитой ярким солнечным светом. Юноша пошевелил пальцами, разглядывая ладони: раны почти затянулись. Он лениво сполз с постели; укус на ноге был уже заботливо перевязан. Его меч лежал на столе. В той недавней суматохе Ханьчи не успел его рассмотреть: узкое алое лезвие, по которому пробегали золотистые искры. Почувствовав хозяина, клинок едва заметно дрогнул, и по комнате разнесся тихий перестук металла о дерево.

Ханьчи положил меч на колени и принялся бережно поглаживать ножны. На душе стало удивительно спокойно, будто он встретил старого друга, с которым не виделся много лет.

— Ханьчи, а ты ведь выбрал по-настоящему славный клинок, — в комнату вошла шиму с чашкой дымящейся каши. — На, поешь сначала. Проголодался небось?

— Шиму, что это? Пахнет просто чудесно. Я от этого запаха и проснулся.

— Обычная пустая каша. Ешь давай, не торопись.

Шиму поставила чашку перед ним и с улыбкой наблюдала, как он жадно уплетает угощение, пропуская все наставления мимо ушей. Насытившись, Ханьчи почувствовал прилив сил. Он снова принялся вертеть в руках «Восемь Пределов», не в силах налюбоваться.

— Ты еще слаб, ложись обратно, — скомандовала шиму.

Но Ханьчи уже не сиделось на месте — ему не терпилось узнать, какие сокровища достались остальным.

— Я хотел проведать... всех.

— Ханьчи, а разве тебе не интересно узнать историю «Восьми Пределов»?

— У этого меча есть какая-то история? — оживился юноша.

— Помнишь, старейшина Хэньюнь рассказывала о Великом святом Тай-и?

— Помню.

— Прежним владельцем этого меча был его старший ученик — Сюаньюань Хуан.

— Ох! — Ханьчи вздрогнул, и клинок едва не выскользнул из его рук.

— С этим мечом Сюаньюань Хуан стал Владыкой Небесной столицы. И лишь когда он ушел в Духовные вены, клинок вернулся в Башню магических сокровищ. Раз уж теперь он признал тебя хозяином, значит, ждет от тебя той же доблести. Твой учитель вернулся очень довольным — он по достоинству оценил твою стойкость.

Слушая шиму, Ханьчи невольно почувствовал гордость. Однако вскоре он тише спросил:

— Шиму, а как поживает старший брат Фэн Юэ? И что с Ло Си?

— Знаю только, что твой младший брат Ло Си сейчас на Пике Пронзающем Небеса. А Фэн Юэ... он в порядке, вот только...

Не дослушав, Ханьчи набросил верхнюю одежду и поспешил к Фэн Юэ. Шиму окликнула его пару раз, но он даже не обернулся. Глядя на пустую чашку, она лишь вздохнула: «Совсем от рук отбился».

***

Ханьчи прокрался к заднему двору. Сквозь открытое решетчатое окно он увидел стоящую на столе цитру из белого нефрита. Фэн Юэ, в одной лишь легкой белой рубашке, сидел перед инструментом, распустив длинные волосы. Он казался отрешенным: время от времени его пальцы касались струн, извлекая хаотичные, нестройные звуки. Заслышав шаги, Фэн Юэ замер и поднял голову.

— Младший брат, рана на ноге еще не зажила, а ты уже всюю бегаешь, — произнес он.

Мгновенная задумчивость исчезла, уступив место привычной мягкости. Это было похоже на безупречную маску, которую он надевал перед миром.

— Хе-хе, — Ханьчи неловко высунул кончик языка. — Спасибо, что спас меня, брат. Ту мелодию я слышал впервые. Сначала она показалась мне прекрасной, но потом стало по-настоящему жутко. Если бы не ты, тот демон сожрал бы меня.

— К чему эти церемонии между нами? Эту вещь написал один из предков Куньлуня. Имени его я не помню, знаю лишь название — «Девять глав богоубийства».

Фэн Юэ поднялся и вышел из дома. Только тут он заметил, что Ханьчи прибежал босиком. Сам юноша спохватился лишь мгновение спустя и густо покраснел от собственной неряшливости.

Забота младшего брата разогнала тучи в душе Фэн Юэ. Он улыбнулся — легко и светло, словно весенний ветерок коснулся лица. Фэн Юэ и без того был удивительно красив, но в этой улыбке сквозило такое неземное изящество, что он казался сошедшим с небес небожителем. Он увлек Ханьчи в комнату и принялся искать для него обувь.

Ханьчи, совершенно смущенный, сидел на стуле, не зная, куда деть голые ноги, и смешно поджимал пальцы. Фэн Юэ достал пару новых туфель, сшитых шиму, и, опустившись на колени, принялся осторожно обувать младшего брата, боясь потревожить рану.

«Раньше второй брат казался таким отстраненным, — отрешенно думал Ханьчи. — А на самом деле он такой добрый».

В этот момент дверь распахнулась. В комнату ввалился Чэн Ланьюэ, волоча две баклаги вина и жареную курицу. С грохотом водрузив добычу на стол, он пробасил:

— Отлично, младший здесь! Я принес доброго вина, отпразднуем!

— Ты предлагаешь младшему пить в его состоянии? Шиму тебя за это прибьет, — безразличным тоном отозвался Фэн Юэ.

— Да брось ты! Что за мужчина, если не лечит раны вином? — Старший брат принялся рыскать по комнате в поисках чашек и наконец обнаружил их возле цитры.

— А инструмент... — Чэн Ланьюэ протянул руку к цитре, но Фэн Юэ взмахнул рукавом, и та мгновенно исчезла.

Ханьчи уставился на пустое место, разинув рот.

— Куда она делась? — вырвалось у него.

Старшие братья переглянулись и весело рассмеялись. За два года в Куньлуне Ханьчи так и не узнал о существовании магических колец для хранения вещей. Фэн Юэ указал на простое кольцо из лазурита на своем пальце. То, что огромная цитра поместилась в крошечное украшение, показалось Ханьчи настоящим чудом.

Чэн Ланьюэ разлил вино и первым делом протянул куриную ножку младшему.

— Ешь, восстанавливай силы, — он залпом осушил свою чашу и принялся за вторую ножку. — Фэн Юэ, ну что ты застыл? Присоединяйся!

Фэн Юэ, выросший в знатной семье, всегда с трудом переносил простонародные замашки Чэн Лана.

— Позорище для ордена, — бросил он.

— Ой, да ты с самого первого дня это твердишь! — хохотнул Чэн Ланьюэ, сделав еще глоток. —

Зачем мужчине вся эта напускная вежливость?

— Небось Цзысю тебе пить запретила?

— Фэн Юэ, ну зачем по больному-то бить?

Тот лишь обреченно покачал головой. Ханьчи, глядя на их привычную перепалку, развеселился. Забыв про раны, он принял чашу из рук старшего брата и выпил всё до капли. Огненная жидкость обожгла горло, заставив юношу зажмуриться и смешно сморщиться. Чэн Ланьюэ зашелся в громовом хохоте:

— Зелёный еще совсем! С непривычки-то как повело!

— Младший еще мал. Чэн Ланьюэ, если продолжишь его спаивать — вылетишь отсюда, — отрезал Фэн Юэ. Несмотря на посиделки, в вопросах воспитания он оставался непоколебим.

— Брат, у меня сегодня просто душа поет. Давай выпьем вместе! — закричал Ханьчи. — Вкус, конечно, дрянной, зато как на сердце полегчало!

— Фэн Юэ, ты нарушаешь правила! Называешь старшего брата по имени! Штрафную ему! — Чэн Ланьюэ попытался влить вино в рот второму брату.

— Да какой из тебя старший... Чэн Ланьюэ.

К полудню на пике Малой Лазурной Волны в маленьком дворике стоял невообразимый шум. Две баклаги быстро опустели, но братьям этого показалось мало. Чэн Лан заговорщицки шепнул, что в погребе учителя заждалось немало изысканного вина. Фэн Юэ поначалу хмурился, но вскоре и сам поддался азарту.

— Сиди здесь, нога ведь болит, — распорядился Фэн Юэ.

— Да брось, я его на спине донесу! — Чэн Ланьюэ подхватил Ханьчи. — В горе и в радости, помнишь? Если учитель поймает, так всех сразу!

— Верно! Если огребать, так вместе! — поддакнул Ханьчи.

— Это же воровство... — Фэн Юэ прикрыл лицо ладонью, но не отстал.

Чэн Ланьюэ легко перемахнул через ограду и прокрался к погребу на заднем склоне. Каждый схватил по кувшину и так же скрытно вернулся в дворик. Пиршество продолжилось.

В дальнем доме у окна стоял человек. Он наблюдал за тем, как тени прыгают через заборы, и задумчиво поглаживал бороду. К нему подошла госпожа Даочжэнь и набросила на плечи мужа расшитый халат.

— Там вина столетней выдержки. Не жалко, что эти сорванцы его изведут?

— Вино обретает смысл, лишь когда его пьют те, кто умеет радоваться жизни, — отозвался Даочжэнь.

— Ты к ним относишься как к родным сыновьям.

— Будь наша дочь жива, внуки были бы уже такими же... — вздохнула женщина.

Старейшина Даочжэнь обнял жену за талию:

— Надо бы им еще «Дочь Востока» вынести, пускай погуляют.

***

Ханьчи, захмелев окончательно, начал хныкать. Сначала жаловался, как скучает по дому, потом — как страшно было в Башне. Сквозь слезы он лепетал, что у него всё болит, что он до смерти боялся погибнуть там и больше никогда не увидит отца с матерью. Чэн Ланьюэ, продолжая пить, посмеивался над его трусостью, но при этом заботливо подливал еще.

В итоге Ханьчи зарылся в одеяло Фэн Юэ, продолжая всхлипывать. Второй брат, видя его состояние, лишь тяжело вздохнул. Для юноши путь совершенствования казался прекрасной сказкой, он не был готов к убийствам и крови. Фэн Юэ привлек младшего к себе, позволяя ему выплакаться. Ханьчи, почувствовав тепло, вцепился в брата, как в детстве в мать.

От одежды Фэн Юэ пахло благовониями — этот спокойный, чистый аромат умиротворял. Вскоре Ханьчи, вымотанный переживаниями, крепко заснул в его объятиях.

Глядя на заплаканное лицо спящего юноши, Фэн Юэ замер. Ему показалось, что это уже было когда-то. Был другой ребенок, младше Ханьчи, который тоже пришел первым на испытаниях, а ночью просыпался от крика и не мог уснуть. И он точно так же укачивал его, играл на цитре ночь за ночью, пока страх перед темнотой не исчез. Тот мальчик всегда бегал за ним хвостиком и звал «старшим братом».

— Фэн Юэ, — позвал Чэн Ланьюэ. Его хмельной взгляд вдруг стал пугающе ясным. — Давай я отнесу его. Он выговорился, теперь бояться не будет.

— Оставь. Пусть спит здесь. Куда ты его потащишь, сам еле на ногах стоишь.

— Я не пьян. Хань Цзинцин сегодня прислал еще одно письмо.

— Какое нам дело до таких особ? — холодно бросил Фэн Юэ. — Я знаю лишь, что двадцать лет назад он был первым учеником главы, а ныне — Владыка Небесной столицы.

— Глава сегодня собрал старейшин и старших учеников. Объявили, что Девушка Небесного Мандата, нынешняя Владычица демонов, найдена.

— Значит, войны не миновать, — Фэн Юэ опустил взгляд на Ханьчи. — Прошло всего двадцать лет, и снова польется кровь. Сколько еще наших братьев погибнет?

Фэн Юэ до сих пор содрогался при мысли о событиях двадцатилетней давности. Он не помнил подробностей, но знал — он был там. Там он потерял свою душу. Почему самые важные люди стерлись из его памяти? Остались лишь неясные тени, обрывки воспоминаний, пара страниц из книги жизни. Почему он очнулся в Куньлуне, где все знали его, а он не знал никого? Кто был тот мальчик в его памяти? Кто был тот седовласый бессмертный в белых одеждах? Откуда он знает название «Цзюся»? Почему «Девять глав богоубийства» кажутся такими знакомыми?

Он даже не знал, когда на нем проявилась Печать Небесной Девы, не говоря уже о встречах с Хань Цзинцином. Он просто хотел знать, кто он такой.

Все эти годы учитель твердил лишь одно: его зовут Фэн Юэ, и он пострадал от рук злодеев. Позже соученики шептались, что когда-то он достиг стадии Зарождающейся Души.

Зарождающаяся Душа... В Куньлуне лишь трое старейшин достигли таких высот.

За окном луна стояла в зените, заливая комнату мертвенно-бледным светом. Белая нефритовая цитра покоилась на подставке, окутанная лунным сиянием. Тонкие пальцы лежали на струнах, но он не решался извлечь ни звука. В курильнице давно догорел ладан, оставив лишь едва уловимый аромат сандала. Одинокая фигура замерла у инструмента, глядя на ночное светило. Говорили, что Девы Небесного Мандата приходят из чертогов Сиванму, чтобы помогать правителям трех миров, но сейчас Фэн Юэ чувствовал лишь подступающий холод, который невозможно было унять.

Спящий Ханьчи, словно почувствовав его тревогу, нахмурился и плотнее закутался в одеяло.

Возможно, пришло время перестать бежать от себя.

***

Звонкий, чистый голос «Цзюся» вывел Ханьчи из забытья. Он широко зевнул и сел.

— Вставай, пора засвидетельствовать почтение учителю и шиму.

Ханьчи лениво поднялся и тут же поморщился от собственного запаха.

— Вода за ширмой, я всё приготовил.

Фэн Юэ помог ему дойти до кадки, от которой шел легкий пар. Ханьчи изумленно уставился на второго брата — тот казался совсем другим человеком. Вспомнив, как вчера рыдал у него на груди, юноша готов был провалиться сквозь землю.

Приведя себя в порядок, Ханьчи вместе с Фэн Юэ отправился к учителю. У входа они увидели Чэн Ланьюэ — тот стоял на коленях, а учитель метал громы и молнии. Заметив братьев, Чэн Ланьюэ принялся отчаянно подмигивать.

— Старший брат, у тебя с глазом что-то? — простодушно спросил Ханьчи.

Чэн Ланьюэ закрыл лицо руками в полном отчаянии.

— Что случилось? — шепотом спросил Ханьчи у шиму, стараясь не попадаться учителю на глаза.

— Твой старший брат вчера стащил три кувшина «Дочери Востока». Учитель в ярости.

Ханьчи знал: это и его вина. Мужчина должен отвечать за свои поступки. Глядя на Фэн Юэ, он решительно шагнул вперед. Оба брата одновременно опустились на колени перед дверью:

— Ученики тоже виноваты. Просим наказания!

В итоге в библиотеке замерли три фигуры, прижавшись лбами к стене. Чэн Ланьюэ выглядел как побитый пес.

— Старший брат, ты чего такой кислый?

— Да старейшина Цысу про всё узнала...

— А-а-а.

Фэн Юэ погрузился в медитацию, а Ханьчи принялся считать муравьев на стене.

Много лет спустя, когда у Мо Ханьчи появятся свои дети и он начнет прятать от них вино, он

поймет: такую суматоху невозможно было не заметить. И он будет наказывать их точно так же.

<http://bllate.org/book/17550/1710760>